

УДК 159.9
ББК 88
П 86

*Все права защищены. Любое использование материалов
данной книги полностью или частично
без разрешения правообладателя запрещается*

П 86 Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. — 716 с. (Методология, история и теория психологии)

ISBN 978-5-9270-0365-5

УДК 159.9
ББК 88

В книге рассматриваются актуальные проблемы развития психологического знания. В фокусе внимания авторов общее состояние и основные характеристики психологического знания, тенденции и перспективы его развития, типы знания в конкретных областях психологии. В процессе анализа рассматривается ряд методологических проблем. Книга адресована как профессиональным психологам, так и всем, кому не безразлично методологическое состояние этой науки.

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2018

ISBN 978-5-9270-0365-5

Три типа понимания мира человека — три типа психологического знания¹

В. В. Знаков

В российской психологии категория «мир человека» получила содержательное наполнение и развитие главным образом в трудах С. Л. Рубинштейна. По Рубинштейну, мир человека представляет собой такую совокупность вещей и явлений, которая соотносена с людьми и является организованной иерархией различных способов человеческого существования. Иерархия способов существования предполагает их отнесенность к различным реальностям и, соответственно, уровням человеческого бытия. Иначе говоря, мир человека не одномерный. Он многомерен и состоит, по меньшей мере, из трех реальностей — эмпирической, социокультурной и экзистенциальной. Говорить о полноценном человеческом бытии можно, только учитывая пребывание человека одновременно во всех реальностях — иначе мир человека как целое разрушается, утрачивает свою холистическую природу.

Другими словами, но по сути та же идея многомерности мира выражена в экзистенциальном анализе, в котором исследуются три модуса мира: «Как мы уже говорили, экзистенциальные аналитики определяют три модуса мира, то есть три одновременно существующих аспекта мира, которые характеризуют бытие в мире каждого из нас. Первый модус — *Umwelt*, его буквальное значение „мир вокруг“; это биологический мир, который в наше время обычно называют окружающей средой. Второй модус — *Mitwelt*, буквально „с миром“; это мир существ одного вида, мир близких нам людей. Третий модус — *Eigenwelt*, „свой мир“; это мир самости» (Мэй, 2004, с. 145). Модус *Umwelt* включает адаптацию и приспособление, но в нем отсутствует влияние (на погоду, высоту потолка в помещении и др.). В модусе *Mitwelt* наиболее значимой категорией яв-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-06-00334.

ляется слово «взаимоотношения». В межсубъектных взаимодействиях взаимоотношения всегда основаны на изменениях и развитии людей (Сергиенко, 2017). Мир человека включает в себя смыслы и значения, которые разрабатываются посредством взаимоотношений, взаимодействия субъектов. *Eigenwelt*, или собственный мир, – модус, который предполагает осознание человеком себя. Это не просто субъективные внутренние переживания, а та основа, призма, сквозь которую мы рассматриваем мир. *Eigenwelt* выражает мое понимание того, что значит для меня что-то в этом мире, – море, компьютер или другой человек. «Должно быть понятно, что эти три модуса мира всегда взаимосвязаны между собой и всегда обуславливают друг друга. Так, например, в каждый момент я существую в *Umwelt*, биологическом мире. Но то, как я отношусь к своей потребности во сне, к своему пребыванию на свежем воздухе или к любым другим инстинктам, какое значение я придаю всему этому, является существенным и обуславливает мое восприятие и сознание того или иного аспекта *Umwelt*. Люди живут одновременно как в *Mitwelt*, так и в *Eigenwelt*. Это отнюдь не три разных мира, а три синхронно существующих модуса мира» (Мэй, 2004, с. 148–149).

Когда психологи говорят о понимании человеком мира в целом и отдельных его ситуаций, событий и т. п., то они имеют в виду все три модуса – *Umwelt*, *Mitwelt*, *Eigenwelt*. Понимание субъектом мира неоднородно: в разных реальностях оно строится на неодинаковых психологических основаниях. В эмпирической реальности такими основаниями являются знание и значение, в социокультурной – мнение и смысл, в экзистенциальной – переживание и опыт. Каждой реальности человеческого бытия соответствует свой тип обсуждаемого феномена: понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение (Знаков, 2016). Психологические знания, становящиеся психологическим фундаментом типов понимания, также различны. Основой понимания-знания оказывается познавательное знание (Фуко, 2007), понимания-интерпретации – конвенциональное (Lagattuta et al., 2010; Richardson et al., 2012; Smetana, 2006), понимания-постижения – духовно-практическое (Адо, 2005). В этих случаях внутренними условиями понимания являются знаки, когнитивные символы и экзистенциальные символы.

Цель статьи – проанализировать три типа знаний, которые являются психологическими основаниями понимания событий и ситуаций в трех реальностях мира человека.

Типы понимания

Названные выше типы понимания не являются чем-то уникальным, проявляющимся только в психологических исследованиях. Очень сходные по содержанию типы понимания можно обнаружить в разных науках. Например, А. П. Огурцов, анализируя общие для социогуманитарных наук традиции и способы понимания мира, выделяет формы и этапы интерпретации понимания в философии. Он отмечает, что в различных философских дискурсах понимание используется, во-первых, для характеристики познавательной способности субъекта, которая представлена в деятельности рассудка, противопоставляемой деятельности разума. Во-вторых, пониманием называют процедуры герменевтического истолкования смысла текстов, расшифровки значения языковых и речевых практик и вообще постижения смысла культурных формообразований. В-третьих, понимание – это специфический для человека способ бытия в мире, основанный на осознанном или бессознательном выборе одной из возможностей существования. «Этим трем формам интерпретации понимания соответствуют три этапа в трактовке понимания в истории философии – от трактовки понимания как одной из познавательных способностей в рационализме через отождествление понимания с процедурами герменевтики как специфической методологии гуманитарных наук (или наук о духе) к онтологической трактовке понимания, исходящей из изначальной герменевтичности существования и имманентности понимания и пред-понимания бытию человека в мире» (Огурцов, 2001, с. 279). Иначе говоря, речь идет о понимании как познавательной способности: деятельности рассудка, противопоставляемого разуму; понимании как процедуре герменевтического истолкования; понимании как способе бытия человека в мире: выборе одной из возможностей существования.

Экономист Е. В. Балацкий анализирует три способа познания, лежащих в основе естественно-научного, социального и интуитивного знания, и дает характеристики методологической основы каждого из них – формальной, диалектической и холистической логики (Балацкий, 2015).

Философ В. Н. Порус предлагает трехчленную структуру понимания художественного текста: «Первый тип: „понимание“ – выяснение или усвоение смысла того, что понимается. Выясненный смысл становится знанием: понять текст – значит знать его смысл. Второй тип: „понимание“ есть интерпретация, наделение смыслом. Интерпретация есть акт творчества, инициированный текс-

том, но поддерживаемый сознанием свободы субъекта, совершающего этот акт. Третий тип: „понимание“ есть процесс со-творения смысла художественного текста, в котором автор текста и понимающий субъект участвуют на равных, вовлекая в это участие всю совокупность культурных факторов» (Порус, 2016, с. 84).

Очень похожая структура обсуждаемого феномена представлена в работе психолога О. Л. Обуховой, осуществлявшей диагностику качества понимания информационного текста.

В ее основу положены представления о трех типах понимания текста:

- воссоздающее понимание – способность читателя восстанавливать в воображении те реалии жизни, которые изображены в тексте; оно ориентировано на эксплицитную информацию текста;
- рефлексивное понимание – способность читателя реконструировать авторскую логику; оно ориентировано на имплицитную информацию текста;
- творческое понимание – способность читателя переносить идеи текста на реалии, не описанные в этом тексте.

«Задача *воссоздающего понимания* – соотносить отдельные единицы информации с реальностью; вычленять содержащиеся в тексте основные события и устанавливать их последовательность; сравнивать между собой объекты, описанные в тексте, выделяя их существенные признаки; понимать информацию, представленную разными способами (словесно, в виде таблицы, схемы, диаграммы); связывать единицы информации в целостную картину и пр.

Задача *рефлексивного понимания* – выделить авторскую логику, восстановить систему понятий, в которых автор осмыслил описанную реальность; формулировать выводы, основываясь на содержании текста, находить аргументы, подтверждающие вывод; умение критично отнестись к авторской логике и пр.

Задача *творческого понимания* – использовать авторскую фактологию и логику для конструирования своих собственных знаний и идей, не упомянутых в тексте, но основанных на прочитанном» (Обухова, 2016, с. 209).

Даже не осуществляя детального анализа, нетрудно обнаружить если не тождество, то явное содержательное сходство описанных выше типов с пониманием-знанием, пониманием-интерпретацией и пониманием-постижением. Конечно же, в понимании разных типов есть нечто общее, но есть и особенное. В макромире человека,

в котором объекты и предметы, безусловно, существуют, обладают онтологическим статусом, мы не видим и не понимаем реальность непосредственно. В сознании понимающего мир субъекта реальность возникает как процесс и результат психической деятельности вследствие переживания, трансформации, порождения опыта, конструирования новых знаний. В современной науке аксиомой является положение о том, что объективная действительность включает в себя сознание познающего ее субъекта. В частности, в эмпирической реальности человек имеет дело с онтологическими данностями, т. е. реально существующими объектами и предметами. Тогда какую роль в понимании реальностей мира человека играют сознание и психика понимающего мир субъекта? Эта роль, условно говоря, гносеологическая, связанная с различными точками зрения на объекты и предметы, а в науке — с разными теориями. Однако различные точки зрения строятся на общем фундаменте значений. По мнению А. А. Леонтьева, «действительность дана, презентирована в сознании каждого отдельного человека как означенная действительность, как объективная реальность, „переведенная“ на язык значений. Значения суть форма идеального существования действительности...» (Леонтьев, 2001, с. 16). Именно значения как форма идеального существования действительности являются общим основанием понимания реальностей.

Теперь проанализирую отличительные признаки, характеристики типов понимания.

Характеристики понимания-знания. Можно выделить по меньшей мере три характеристики этого типа понимания.

1. Психологическими основаниями понимания предметов, событий и ситуаций являются «предметные значения» (Леонтьев, 2001) и знания. Психологическим основанием понимания-знания понятий, описывающих факты эмпирической реальности, оказывается именно одинаковое для всех значение, а не индивидуальный личностный смысл. И это не удивительно: высказывание «Расстояние от Москвы до Парижа по прямой — 2487 километров или 1544 мили» имеет для всех образованных людей одинаковое значение, но в нем потенциально не содержится личностного отношения, индивидуального смысла (для порождения смысла нужны дополнительные высказывания). Другое дело, что в метрической и американо-британской мерах длины выражены неодинаковые значения, т. е. формы идеального существования действительности.

2. Понимание-знание основано на познавательном знании, на одинаковом для всех людей значении высказываний. Именно поэтому оно не зависит от индивидуально-психологических характеристик понимающего субъекта. И в этом — залог взаимопонимания при обсуждении очевидных, легко проверяемых фактов. Вместе с тем психологам следует ясно осознавать, что далеко не во всех ситуациях человеческого бытия, которые оказываются предметами психологических исследований, люди делают истинные или ложные утверждения. Более того, можно утверждать, что подавляющее большинство проблем и целых предметных областей психологии невозможно понять по типу понимания-знания. Это относится к социальным представлениям, стрессу, совести, оптимизму и мн. др.
3. Существуют различия в понимании объектов макро- и микромира. В эмпирической реальности мы понимаем объективно истинное знание о закономерно повторяющихся процессах и явлениях (солнце всходит и заходит, и так происходит каждый день). Основная цель научных исследований эмпирической реальности — сформулировать законы бытия, описывающие то, что есть. «Законом» в этом значении понятия называется то, что регулярно повторяется и происходит именно так, как происходит. Изучая явления, подчиняющиеся таким законам, ученые стараются выявить объективно существующие причинно-следственные связи и устойчивые отношения. Хотя это может показаться странным любому здравомыслящему человеку, но сегодня существование эмпирической реальности необходимо снова доказывать. С появлением в 2011 г. в Италии «нового реализма» (Феррарис, 2014) научные дискуссии о существовании действительности обрели новые рамки, ограничительный концептуальный каркас. М. Феррарис определяет необходимость различения онтологии и гносеологии: действительность, существующую независимо от наших представлений о ней, и теоретические модели, включающие способы ее познания и понимания. Он иллюстрирует такое различие на примере изучающих природу школьников и судей, которые при вынесении приговора опираются на модельные представления — прецеденты, установления, законы (Феррарис, 2014).

С методологической точки зрения сложнее обстоит дело с пониманием микромира. В этом контексте одним из самых научно значимых оказывается вопрос об онтологическом статусе ненаблюдаемых

сущностей современной физики: являются ли они реальными объектами или представляют собой социальные конструкты? (Мамчур, 2017). Другими словами, это вопрос о том, что, например, бозон Хиггса существует в природе до того, как его предсказала теория? В физических экспериментах его открыли или создали, как утверждают социальные конструкционисты? Аргументация последних такая: открытия и бозона Хиггса, и других элементарных частиц были бы невозможны не только без физических теорий, но и без армии экспериментаторов, построивших суперколлайдер, технологий, сконструировавших экспериментальные установки, и мн. др. Иначе говоря, предварительное осмысление проблемы определяет конкретное видение результатов ее решения. Вместе с тем очевидно и обратное: природная детерминация просматривается даже в сложных социальных конструктах. Например, болезнь — это отклонение от нормального функционирования организма, как бы оно ни трактовалось в разных культурах. Обсуждая вопрос о том, идет ли речь о создании или открытии микрообъектов в ходе экспериментов, Е. А. Мамчур высказывает мнение, с которым я полностью согласен: «Мне думается, что социальные конструктивисты делают в данном случае довольно типичную для современной философии науки ошибку: *они смешивают, не различают два на самом деле различных плана рассмотрения проблемы — эпистемологический (иногда говорят эпистемический) и онтологический*. Чтобы остаться на реалистических позициях, конструктивист должен сказать: да, мы конструируем результаты экспериментов, но только в эпистемическом, но не в онтологическом смысле. Между тем социальные конструкционисты, оставаясь в рамках онтологического плана рассмотрения эксперимента, в котором бозоны обнаруживаются, рассуждают так, как будто в процессе эксперимента создаются, конструируются реальные объекты микромира, т. е. само сущее» (Мамчур, 2017, с. 112–113).

Внутренние условия понимания-знания — вербальные и образные знаки. Понятийная структура понимания-знания эмпирической реальности строится на знаках, но не включает символы. Внутренние условия понимания субъектом мира, конечно же, потенциально содержат предпосылки для того, чтобы понимающий субъект оперировал как знаками, так и символами. Однако при понимании событий и ситуаций эмпирической реальности субъект оперирует только однозначными знаками (указателями на объекты и предметы) и знанием, которое может быть истинным или ложным (и потому для определения его истинности/ложности удо-

влетворительной оказывается корреспондентная теория истины). Понимание-знание эмпирической реальности основано на значении, не предполагающем возможности различий в его интерпретации во время коммуникации людей. Однозначность соответствует знаку и противоречит психологическому содержанию символа. С. В. Никоненко полагает, что «знаки необходимы исключительно в функциональном отношении для тех сфер, где требуется искусственно установленная однозначность и устранение разночтений» (Никоненко, 2016, с. 52). А. Н. Веракса считает, что в отличие от символов о знаках можно говорить тогда, когда отсутствует интерпретация, а следовательно, и множественность вариантов понимания (Веракса, 2015). Н. В. Кулагина отмечает, что «любой знак обычно обладает устойчивым значением и противится множественности его истолкований. Важнейшим условием функционирования знака является известное постоянство его понимания (Кулагина, 2006, с. 4). Символы этими авторами рассматриваются как то, что предполагает и требует множественной интерпретации, эмоционального отклика и переживания понимаемого. Знаки необходимы исключительно в тех областях мира человека, в которых нужно искусственно задать однозначность и устранить множественность истолкований и разночтений в понимании событий и ситуаций. Например, по металлическим знакам на бамперах легковых автомобилей можно однозначно отличить «BMW» от «Toyota», «Nissan» от «Renault» и т. д. И наоборот: если каждый водитель, увидев дорожный знак «проезд запрещен», начнет искать его возможные бесчисленные символические смыслы, то обстановка на дорогах быстро превратится в непредсказуемую.

Области практической реализации понимания-знания. Сегодня понимание-знание, пожалуй, наиболее заметно проявляется в «журналистике факта»: тогда, когда мы смотрим на мир человека как «общество информирования». В таком обществе очень значимыми становятся журналистские расследования, в результате которых обнародуются факты, до этого неизвестные большинству людей (Уотергейтское дело, «приключения» Б. Клинтона с М. Левински, неизвестные факты из жизни М. Касьянова, опубликованные «Новой газетой» и т. п.). Еще одна отличительная особенность общества информирования (оно сформировалось в середине прошлого века) проявилась в рекламном бизнесе. В рекламах товаров, например холодильников, подчеркивалось качество продуктов, их техническое совершенство, надежность и долговечность. Понимание-знание рекламных объявлений отражало направлен-

ность рекламодателей на информированность покупателя, помогающую ему выбрать хороший товар по оптимальной цене. В целом в обществе информирования понимание-знание было направлено на действительность, которую люди воспринимали и представляли как внешнюю по отношению к себе.

Характеристики понимания-интерпретации. Анализ понимания как интерпретирующей деятельности — это тенденция, проявляющаяся не только в психологии, но и в других науках (Демьянков, 1983). Любое понимание многовариантно, оно потенциально содержит в себе несколько возможных интерпретаций одних и тех же событий и ситуаций. *Интерпретации — это конкретные способы понимания; чем их больше, тем выше степень полноты понимания.* Сколько интерпретаций, столько вариантов понимания одного и того же. Интерпретация субъектом ситуации основана не столько на установленных эмпирических фактах, сколько на личностном знании о мире. Интерпретация — это репрезентация не всей ситуации (это невозможно), а только одной из точек зрения на нее, которая, по мнению субъекта, является правильной и оптимальной для понимания. Иначе говоря, интерпретация социальной реальности основана не только на эмпирических фактах, но и на применяемых знаниях, нормах и представлениях о правильном описании действительности. Следовательно, интерпретация неразрывно связана с индивидуальными способами конструирования мира: она направлена на акцентирование внимания партнеров по общению на таких деталях ситуации, которые кажутся ценными и значимыми субъекту, но могут быть не замечены собеседниками. Сам субъект, познающий и понимающий мир, является не бесстрастным фиксатором «объективной» действительности; он выступает в роли посредника, герменевта, толкователя ситуации для других людей. С психологической точки зрения интерпретация, в частности художественного текста, представляет собой своеобразное взаимодействие двух миров: внутреннего мира литературного произведения и мира читателя. Это означает, что понимание-интерпретация строится на основе взаимодействия интерпретации понимающим субъектом событий и ситуаций и его самоинтерпретации.

Внутренние условия понимания-интерпретации — когнитивные символы. Понимание социокультурной реальности основано не на знаниях, а на мнениях, оно предполагает множественность интерпретаций разных вариантов значений одного и того же объекта или предмета. Эти варианты могут отражать уже символическую, но пока еще когнитивную природу понимаемого. Почему ко-

гнитивную? Потому что такие символы основаны на соотношении не с одной, а со многими сторонами мира человека, и это нередко ставит понимающего субъекта в ситуацию выбора одной из множества альтернатив. Когнитивный символ включает в себя знак, отнесенность к предметному содержанию, но вместе с тем потенциально содержит многообразие смыслов, потому что может указывать на разные объекты. Позволю себе каламбур: фамилия Знаков является не знаком, а символом, потому что, согласно социальным сетям, у меня есть однофамильцы. Необходимо отметить, что любые символы рассматриваются многими учеными как то, что требует множественной интерпретации, эмоционального отклика и переживания понимаемого.

При оперировании когнитивными символами субъект, понимающий мир, имеет дело с разными ментальными пространствами, при этом понимание социальных ситуаций предполагает установление связей между ними. Например, в теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера для описания событий и ситуаций используется конструкт «ментального пространства», состоящего из концептуальных структур мыслящего субъекта. В процессе понимания, в частности, метафор их смысловая репрезентация возникает в психике понимающего субъекта в результате наложения нескольких ментальных пространств, объединяемых понятиями метафоры (Fauconnier, Turner, 2008). Теория ментальных пространств (mentalspacestheory), разработанная Ж. Фоконье, впоследствии была развита М. Тернером. Методологическим основанием теории стала логика возможных миров (отмечу, что именно на этой логике строится психологическое содержание понимания-интерпретации разных фрагментов мира человека). Смысл предложения рассматривается в качестве порождения возможного мира, в котором описанная ситуация воспринимается как реальность. Согласно теории, смысл любого предложения может быть порожден посредством анализа ментальных пространств понимающего мир субъекта. Ментальные пространства – это когнитивные структуры или сценарии, которые при чтении текста спонтанно и неосознанно актуализируются в уме реципиентов. Ж. Фоконье выделял ментальные пространства двух типов: пространства базы (они включают объекты, понятные всем собеседникам) и пространства-конструкторы, содержащие объекты, на основании которых люди могут порождать новые пространства. Именно такие пространства используются для выхода за рамки реальной действительности и стимулируют воображение, гипотезы, фантазии.

Ментальные пространства в виде сценарных репрезентаций играют большую роль также при понимании переносного смысла шуток. В современной психологии юмор рассматривается как неотъемлемая составляющая творческого мышления, потому что «процессы, лежащие в основе понимания и продукции юмора, по многим признакам сходны с процессами решения творческих (инсайтных) задач» (Коровкин, 2015, с. 174). Как и для решения творческой задачи в целом, для понимания юмора мыслящему субъекту необходимо почти мгновенно переструктурировать репрезентацию отраженной в шутке или задаче ситуации. В результате понимания юмора и решения творческих задач возникает инсайт (Kozbelt, Nishioka, 2010). Переструктурирование необходимо потому, что и в шутках, особенно в анекдотах наблюдается смысловое противоречие между сценариями. Понимание связано с поиском таких способов разрешения противоречия, которые проявляются в виде «внезапной» смены репрезентаций, сценариев, фреймов. (Говоря о кажущейся мгновенности возникающего понимания, не следует забывать о феномене немгновенного инсайта, открытом в психологии мышления Брушлинским – 2006.)

Обсуждая противоречивые концептуальные репрезентации, одни психологи говорят о двух ментальных пространствах (Щербакова, 2010), другие пишут о необходимости для понимания переключения с одного фрейма на другой (frame switching – Hong et al., 2000). Конфликтное сосуществование в любом юмористическом высказывании двух противоречащих друг другу концептуальных репрезентаций можно проиллюстрировать на примере новогодней шутки: «Дорогая редакция, скажите, пожалуйста, Дед Мороз существует или нет? А то мама говорит, что существует, а жена смеется». Начало шутки отсылает читателя к привычному для любого взрослого ментальному пространству, фрейму детского вопроса, а заключительная фраза парадоксальным образом обнаруживает, что спрашивающий вовсе не является ребенком. Понимание вопроса не как серьезного, а именно как юмористического происходит путем перехода внутри ментальных пространств, переключения с одного фрейма на другой.

Области практической реализации понимания-интерпретации. В самых разных областях современной жизни человеку нужно устанавливать связи между различными ментальными пространствами. Например, в журналистике актуальной является проблема различения реальных событий и вербальных фактов в средствах массовой информации (Мохирева, 2012). Сообщения СМИ – это всегда про-

интерпретированные факты, а не какие-то якобы первичные данные о том, «как все произошло на самом деле». Несколько очевидцев наблюдали событие под разными углами зрения, неудивительно, что они и описывают его неодинаковыми способами. Результатом оказывается не единообразие, а множественность описаний произошедшего. «Таким образом, реальное событие, отображаясь в медиатексте, теряет свойство континуальности и приобретает признак дискретности. Аудитория воспринимает только одну „грань“ события, актуализированную в данном журналистском тексте (с определенной оценкой, коннотацией, эмоциональной характеристикой), иные аспекты, оказываясь за „границей“ текста, выпадают и из поля зрения реципиентов» (там же, с. 116). Более радикальная точка зрения отражена в известном и весьма распространенном суждении: в политике реальность никому не нужна; главное то, что кажется реальностью доверчивым массам (а эту «кажущуюся реальность» творят СМИ).

В современном медиапространстве существует не только журналистика факта, но и журналистика мнений. Она наиболее эффективна при воздействии на аудиторию, интересующуюся аргументированным обоснованием разных точек зрения на события (присоединение Крыма к России – это аннексия или справедливое исторически оправданное воссоединение братских народов?). Особенно притягательной для читателя журналистика мнений оказывается тогда, когда факты неочевидны или трудно интерпретируемы. Типичным в этом смысле является название одной из статей: «Что означает арест губернатора Н. Белых: рабочий процесс или сигнал элите». Белых не отрицал факта получения 400000 евро, однако эти деньги были, как он утверждает, не взяткой, а внебюджетным финансированием развития города Кирова. Какая версия соответствует действительности – предмет активных обсуждений в интернете. В контексте практики применения понимания-интерпретации уместно вспомнить и о том, что реклама стала рассматриваться как коммуникация, направленная на достижение взаимопонимания между продавцами и покупателями (Лебедев-Любимов, 2002). Интерпретация рекламных сообщений становится необходимой потому, что, согласно современной точке зрения, они не только информируют о товарах и услугах, но одновременно трансформируют их в образы сознания покупателей. Образы становятся неотделимыми от фактических сведений о качествах рекламируемого товара.

Характеристики понимания-постижения. В современной психологии большое значение уделяется анализу событий и феноме-

нов, которые нельзя понять только на основе рационального знания. К ним относятся пиковые переживания, смысл жизни и смерти, надежда как метаценность человеческого бытия, поведенческие проявления мудрости и т. п. Описания субъектом таких феноменов и самооценки своего понимания уже невозможно характеризовать в терминах истинности или правильности. Для каждого из нас рассказ о них либо правдивый, либо неправдивый. В рамках экзистенциальной исследовательской традиции оценка правдивости высказываний испытуемых считается важной потому, что, обращаясь внутрь себя, своего экзистенциального опыта, человек остается самим собой только до тех пор, пока он искренен и правдив. Сказав неправду, он отчуждает свою подлинную сущность, начинает рассматривать себя как бы со стороны. С экзистенциальной точки зрения он перестает быть субъектом, превращаясь в объект сотворенной легенды. Это такой удобный себе и окружающим образ Я, который становится уже скорее мифом, чем реальностью. Как показали эмпирические исследования, понимание правды включает в себя немало невербализованных и иррациональных компонентов. Такое понимание основано на вере в правдоподобие того, что говорится; представлениях о справедливости в межличностных отношениях; убежденности в собственной искренности и др. Очевидно, что веру, справедливость, искренность нельзя описать, только руководствуясь рассудком, рациональными способами рассуждений: значимую роль при этом играет интуитивное постижение.

Постижение — это такое схватывание целого, части которого мы по тем или иным причинам не можем познать и детально описать. Например, директор атомной электростанции ни при каких обстоятельствах не сможет знать о всех процессах, происходящих в данный момент в ядерном реакторе, а мэр мегаполиса — о состоянии абсолютно всех коммуникаций в городе. Следовательно, необходимость в постижении возникает тогда, когда невозможно познание, когда у нас нет возможности описать понимаемое с помощью логически обоснованных знаний. Понимание таких событий и феноменов основывается главным образом не на знании или интерпретации, а на постижении глубокого смысла фундаментальных проблем человеческого бытия. Понимание-постижение характеризуется направленностью на формирование глубинного смысла событий и ситуаций, которые субъект не имеет возможности ясно осознать и вербально описать. Человек может понимать или не понимать сложные и простые объекты. Однако если предмет психологического анализа сложен (как, к примеру, самообман), то следует

говорить о его понимании на основе постижения. Следовательно, необходимость в постижении возникает тогда, когда невозможно познание, когда у нас нет возможности описать понимаемое с помощью логически обоснованных знаний. Понимание в таких случаях осуществляется по типу понимания-постижения. Оно характеризуется тем, что понимание может основываться даже на неосознаваемых и неизвестных сторонах понимаемого. «Можно понимать что-то, не осознавая, что понимаешь, и даже не будучи знакомым с предметом. Возможно, это звучит парадоксально, но весь смысл глубоких, общих объяснений состоит в том, что они охватывают не только знакомые ситуации, но и неизвестные. Если бы вы были современным математиком и впервые столкнулись с римскими цифрами, возможно, вы бы сразу не осознали, что уже понимаете их. Сначала вам бы пришлось узнать определенные факты о том, что это такое, а потом поразмышлять над этими фактами в свете имеющегося у вас понимания математики. Но сделав это, вы могли бы, оглядываясь, сказать: „Да, в римской системе цифр для меня нет ничего нового, кроме фактов“» (Дойч, 2015, с. 22–23).

Внутренние условия понимания-постижения – экзистенциальные символы. В психологических механизмах понимания-постижения ключевую роль играют экзистенциальные символы. Мы живем в мире, неотъемлемыми свойствами, объективными атрибутами которого являются познавательные и экзистенциальные тайны (Знаков, 2016). В культуре тайны, присутствующие в экзистенциальном опыте людей, воплощаются в символах. Экзистенциальные тайны входят в содержание множества символов (веры, духовности, государственной власти и др.), имеющих в мире человека важное историческое, религиозное, культурное, научное и социальное значение. Мировоззрение россиян всегда в значительной степени было символичным. Что такое памятники Ленину, в неисчислимом количестве до сих пор стоящие в разных населенных пунктах нашей страны? Это простые и понятные символы советской власти. А символы, как известно, имеют в мире человека важное историческое, религиозное, культурное, научное и социальное значение. Символы содержательно неразрывно связаны с экзистенциальными тайнами бытия. В самом полном и глубоком смысле «символ только тогда истинный символ, когда он неисчерпаем и беспределен в своем значении, когда он изрекает на своем сокровенном (иератическом и магическом) языке намека и внушения нечто неизглаголемое, неадекватное внешнему слову. Он многолик, многосмыслен и всегда темен в последней глубине... Символы несказанны и неизъяс-

нимы, и мы беспомощны перед их целостным тайным смыслом» (Иванов, 1994, с. 141). Содержательная связь символов с тайнами неудивительна, потому что символ по своей сути — это знак, обозначающий что-то скрытое, тайное, нередко понимаемое людьми как сверхъестественное. Символ указывает на существование иной, не воспринимаемой органами чувств действительности, которую некоторые ученые называют «скрытой предметностью»: «Другими словами, мы можем говорить о продуктивности символа только тогда, когда его внешняя предметность постоянно соотносится со скрытой предметностью, т. е. с той реальностью, познавательным средством которой он выступает» (Веракса, 2016, с. 57).

Психологические исследования символов обнаруживают многослойность их содержания, направленность субъекта, понимающего символические структуры, на целостное постижение, преодолевающее фрагментарное познание мира. Теоретический анализ психологических потенциалов символов позволяет констатировать, что они обладают экзистенциальной событийностью, направленной на преодоление обыденности. Интеграционные возможности любого экзистенциального символа, проявляются в сочетании «очевидного, явного и скрытого, латентного; в пластичности символа, выражающейся в возможности вместить смысловую бесконечность в замкнутую форму; в заданности смыслов символа как динамической тенденции (а не как наличности в готовом виде), которая актуализирует понимание, постижение символа через развертывание своей идентичности» (Федоров, 2012, с. 29). Трансцендентно-смысловые ресурсы символа позволяют человеку «преодолевать зависимость от наличной ситуации, выходя в пространство индивидуальных и надиндивидуальных бытийных смыслов и осуществляя собственно человеческую идентичность» (там же). В социокультурной реальности символический характер для людей могут иметь не только отдельные предметы (памятники и т. п.), но и целые мировоззренческие и социальные системы. Примерами могут быть советская власть и религия (Сухачев, 1997).

Для психологического анализа понимания важно то, что одной из причин непостижимости символов понимающим мир субъектом является существование в его психике не только бессознательного личностного знания. Не меньшую роль в понимании-постижении символов играет осознание пределов познавательной деятельности, влекущее признание человеком объективно неизбежного незнания полной картины действительности, имеющей символическое обозначение. Глубокий анализ незнания как составляющей понима-

ния символа дан в лекциях М. К. Мамардашвили об эстетике мышления: «Символы есть символы сознания, которые одновременно незнание. Это — со-знание. То есть мы в нем знаем что-то другое, не зная того, в чем мы это знаем. Как бы нечто сопровождает сознание, и в нем будет знание, а в другом месте не будет, но что это такое, мы не знаем. Мы не можем со-знание, то есть вот эту частицу „со-“ превратить в объект. Это и есть то самое дополнительное измерение незнаемого, невидимого, ибо мы не видим сознания. Мы видим содержание сознания, но никогда не видим сознание» (Мамардашвили, 2001, с. 53).

Области практической реализации понимания-постижения. Общество информирования и потребления постепенно трансформировалось в «общество переживаний» (Erlebnisgesellschaft – Schulze, 2005). Немецкое слово die Erlebnis переводится как событие, которое кто-то пережил и которое произвело на него сильное впечатление. Сегодня на всей планете наблюдается стремление людей к получению нового и неожиданного эмоционального опыта, связанного с коллективными действиями и переживаниями. За примерами не нужно далеко ходить. Один из них – проходящие во всем мире флэшмобы, заранее спланированные массовые акции, в которых большие группы людей появляются в общественных местах, выполняют заранее оговоренные действия и затем расходятся. Изменилась идеология рекламы: от информирования о превосходных качествах товара к ее соответствию представлениям потребителя о лучшей прекрасной жизни. Например, объективно в Москве и других городах в отличие от сельской местности внедорожники не нужны, однако средства массовой информации заполнены сообщениями о приключениях отпрысков богатых родителей на «Гелендвагенах»...

В обществе переживаний главным для людей становится такой проект прекрасной жизни, в котором преобладают субъективные ценности, внутренние ориентиры, направленные на переживание желаемого. В современном социогуманитарном познании представления о прекрасном в значительной степени утратили эстетический и этический смыслы. «Современники имеют склонность представлять себе прекрасное как самостоятельную реальность, не зависящую от добра и зла, тогда как для греков, напротив, применительно к людям, это слово обычно подразумевает нравственную ценность, например, в текстах Платона и Ксенофона, цитируемых М. Фуко» (Адо, 2005, с. 286). Сегодня прекрасное рассматривается скорее под аксиологическим углом зрения: это благо, к которому должен стремиться человек. В познавательных и экзистенциальных взглядах

дах на мир человека все большую роль начинают играть ценности. Именно в ценностных представлениях воплощаются «проекты хорошей жизни», которые становятся целями достойного человеческого бытия. Показательным примером могут служить бурные дискуссии о реновации жилья в Москве, сносе хрущевок и переселении их жителей в новые дома. Дискуссии сделали явным тот факт, что для москвичей жилые здания — не просто квартиры, это некие ценности, которые сформировались у жильцов в прошлом и экстраполируются на будущее. Такие ценности воплощаются в бытовых деталях: окна с видом на парк, близость друзей и приятных соседей и т. п.

Сегодня происходит трансформация подходов к познанию и пониманию реальности в современной журналистике: на смену рационалистическим установкам журналистского творчества приходят ментальные конструкции, основанные на личном знании (Мансурова, 2014). Журналистские тексты о социальных событиях становятся человекоцентрированными, в них появляется все больше описаний переживаний, чувств, рефлексии и личного опыта людей. Доступность источников информации отодвинула на второй план необходимость журналистских расследований, освободила журналистов от утомительных командировок и поисков данных. «На полосы газет и журналов, на сайты престижных СМИ хлынули потоки откровений, полных чувств и удивлений» (там же, 154). В наше время интернет заполнен гипертекстами по любому поводу, читателю легче согласиться с каким-либо пусть даже субъективным утверждением, чем позволить убедить себя строгой логикой и аргументацией. «Информация в коммуникационной системе уже доступна и интертекстуальна (вспомним вал публикаций о виновности/невиновности в коррупции губернатора Н. Белых. — В. З.), журналисту достаточно лишь сослаться на какой-либо факт, намекнуть, процитировать известную фразу, чтобы стать социальным «навигатором» и реализовать функцию выявления социального смысла в приемлемой форме» (там же, с. 156). Все чаще суть отражаемой реальности преломляется сквозь призму личной позиции журналиста, который отказывается от прямых оценок и решений проблемы. В журналистике доминирующим стало суждение о том, что люди имеют дело не столько с фактами, сколько с предметами их интереса. В результате «объективность и беспристрастность журналистского воспроизведения реальности, еще недавно ценимые как качества адекватности творческого процесса, однозначно уступили социальным и аксиологическим аспектам его результатов. На смену

традициям рационализма, положенным в основу журналистского метода постижения жизни, пришло «личностное знание» (там же, с. 155). Возникает дискурс сопереживания, в котором решающую роль играют не познание, а постижение, эмоциональная сопричастность и личностная включенность. Неудивительно, что такая журналистика апеллирует не к познанию, а к пониманию-постижению.

Домены социального знания

При психологическом анализе понимания человеком явлений, событий, ситуаций, относящихся к трем реальностям, ученые обращаются к различным доменам социального знания. Теория доменов социального знания (Lagattuta et al., 2010; Nucci, 1996; Richardson et al., 2012; Smetana, 2006) в современной методологии социогуманитарного познания занимает заметное место. Теория доменов предлагает модель того, как люди определяют, оценивают и согласуют области социального знания при вынесении суждений о социально значимых действиях. В теории выделяются три области – моральная, конвенциональная и персональная. Моральный домен социальных знаний включает вопросы справедливости, законности, права. Конвенциональный домен связан с традициями и обычаями. Персональный домен включает проблемы личного выбора, индивидуальной свободы действий. К. Б. Ричардсон с соавт. приводят примеры, связанные с различными областями знаний. Удар одним ребенком другого по голове во время игры, причинение неспровоцированного вреда – моральный домен. Разговор в классе без поднятой руки (нарушение правил поведения) – конвенциональный домен. Необычно длинные волосы – типичный пример личного выбора (персональный домен). Обнаружено, что дети, подростки и взрослые используют различный набор критериев, чтобы оценить нарушения моральных и конвенциональных норм. При этом оказывается, что люди рассматривают действия и ситуации, связанные с персональным доменом, иначе, чем связанные с моральным или конвенциональным (Richardson et al., 2012). Исторически так сложилось, что наибольший массив эмпирических исследований, направленных на обоснование теории доменов социального знания, представлен в психологии развития. В них показано, что в ходе интеллектуального и морального развития совсем маленькие дети опираются в основном на знания о себе (персональные знания). Дети постарше и многие взрослые ориентируются на общественные ожидания и общепринятые правила (конвенциональные знания).

И лишь небольшое количество взрослых чаще всего руководствуются универсальными этическими принципами (моральные знания).

Научные представления о доменах социального знания непротиворечиво согласуются с описанием психологических оснований понимания мира человека. При этом моральный домен целесообразно соотносить с пониманием-знанием, конвенциональный — с пониманием-интерпретацией, а персональный — с пониманием-постижением. Соответственно их можно и нужно соотносить с познавательным, конвенциональным и духовно-практическим типами психологических знаний.

Познавательное знание

Психологическое содержание понимания-знания строится не на духовном знании, а на познавательном (Фуко, 2007). Такое понимание возникает у субъекта тогда, когда оно основано преимущественно на оценках истинности знаний, представленных в суждениях о фактах. Для психологов принципиальное значение имеют качественные характеристики, особенности знания, играющие ключевую роль в понимании фактов эмпирической реальности. В этом случае знание о реальности дает возможность понимающему субъекту *только отличать истинные высказывания от ложных*. Однако он не может ответить на более сложные вопросы, которые требуют рефлексии, обращения внутрь себя, соотнесения понимаемого с личностным знанием: *почему* существует истинное и ложное и как можно отличить одно от другого. Такое знание, которое адекватно отражает эмпирическую реальность, но ничего не изменяет в познающем ее субъекте, из которого он ничего не может извлечь для собственного преображения, М. Фуко называл «познавательным» (Фуко, 2007). Он считал, что истинное знание недоступно такому субъекту, какой он есть. Истина не дается человеку простым актом познания: для ее достижения нельзя ограничиться гносеологическим анализом, необходимо учитывать и онтологию существования субъекта, его экзистенциальные изменения во времени.

По формальным (но не содержательным) признакам строения и функционирования в мышлении и общении для описания понимания фактов эмпирической реальности наиболее подходящим является моральный домен социального знания. Моральный домен очень напоминает понимание-знание. Он включает не только знание правил и норм того, чего не следует делать, но также идентификацию действий, относительно которых люди могут обладать

личной свободой и контролем. У морали и понимания есть общий базис — долженствование. Моральные действия и знания о них понимаются как обязательные, формально-нормативные и потому положительно оцениваемые всеми членами общества вне зависимости от обстоятельств. Нормативная заданность базовых моральных норм, их общечеловеческая значимость — это проявление объективности существования морали. С этой точки зрения мораль, несомненно, так же объективна, как факты эмпирической реальности. В свою очередь, психологические механизмы понимания неразрывно связаны с долженствованием. Один из двух главных отличительных признаков этого феномена состоит в том, что понимание — это всегда процесс и результат сопоставления существующего с должным (другой признак — выход за непосредственные границы содержания понимаемого и включение его в более широкий контекст личностного знания). Неудивительно, что понимание морали как должного можно рассматривать как применимое, прежде всего, к моральному домену социального знания.

Кроме того, в отличие от нравственности конкретного человека мораль как форма общественного сознания, включающая обобщенные представления о том, как можно и как нельзя вести себя в обществе, имеет для каждого человека значение, но не имеет личностного смысла. «Значение есть устойчивая система обобщений, стоящая за словом, *одинаковая для всех людей*, причем эта система может иметь разную глубину, обобщенность, широту охвата обобщаемых им предметов, но она обязательно сохраняет неизменное ядро — определенный набор связей» (Лурия, 1979, с. 53). Именно поэтому психологическим основанием понимания-знания понятий, описывающих факты эмпирической реальности, оказывается *одинаковое для всех значение, а не индивидуальный личностный смысл*. Это относится к понятиям пространства, времени, веса и др.

Конвенциональное знание

Для описания психологического содержания конвенциональных знаний принципиально важными являются результаты исследований, направленных на анализ проблемы «разделяемости» знаний (Андреева, 2009). Обсуждая основания психологии социального познания, Г. М. Андреева пишет не только об индивидуальной, но и коллективной природе повседневного знания. По ее мнению, знание о том, что члены определенной социальной группы и так «все знают», является разделенным. Это означает, что каждый член

сообщества обладает таким знанием, и все они придерживаются некоторого общего intersубъективного способа размышлений, представлений, соображений о реальности повседневной жизни. Именно это способствует достижению взаимопонимания во многих жизненных ситуациях. Люди все разные, поведение их различается. «Поэтому никогда не может быть двух одинаковых мнений даже об одном человеке, не говоря уж о каких-то более сложных социальных объектах. Это особенно актуально именно для социального познания, поскольку, кроме индивидуального опыта человека, здесь включается еще и опыт группы, к которой он принадлежит, и весь опыт культуры. Поскольку люди должны как-то понимать друг друга или хотя бы понимать, о чем идет речь, они неизбежно существуют в некотором общем познавательном пространстве, т.е. разделяют – возможно, в определенных пределах – значение тех или иных познаваемых ими объектов. Средством „разделяемости“ значений является коммуникация, когда образ социального мира вырабатывается сообща, что предполагает постоянный обмен информацией» (Андреева, 2009, с. 386–387).

В западной психологии изучаются психологические основания intersубъективности и передачи людьми друг другу неявного личностного знания. Эта проблема активно исследуется применительно к самым различным социальным условиям профессиональной деятельности: науке (Kekäle, 2011), здравоохранению (Kessel et al., 2011), службам занятости (Kohansal et al., 2013), менеджменту (Lauring, Selmer, 2012). Типичным примером описания исследования, в котором изучались психологические основания желания или, наоборот, нежелания преподавателей делиться с коллегами личностным знанием, является статья Д. Ю и Р. Чжоу (Yu, Zhou, 2015). Знания в системе университетского преподавания классифицируются как явные и неявные. ИмPLICITное личностное знание занимает важное место в системе ценностей конкурентоспособных преподавателей университета. Оно может содержать символы и выражения, понятные только самому носителю знания. Вместе с тем неявные знания являются неотъемлемой частью опыта преподавателя, его организаторских способностей, методов обучения, навыков. Опыт и знания, накопленные в преподавательской и научной деятельности, остаются надолго и имеют ценность для других. В процессе принятия решений о необходимости поделиться собственными знаниями с другими преподаватели обычно взвешивают потенциальные риски (например, стать жертвой плагиата) и положительные эффекты для преподавания. И только тогда, когда они при-

знают, что ценность совместного обладания выше, чем возможные риски, значимость разделенных знаний становится приоритетной.

Конвенциональные знания — это результат не только отражения мира человека, но и созидательной работы, творчества коллективного субъекта, творящего смыслы в социальном пространстве. Современные психологические исследования позволяют утверждать, что осмысленное знание — порождение не только индивидуально-го сознания, но и коллективного разума. Соответственно смысл — атрибут психики конкретного субъекта, но вместе с тем он есть продукт меж- и надындивидных или трансперсональных отношений. Осмысленное знание не только возникает внутри сообществ познающих субъектов, но и определяет то, что мы считаем реальностью. Согласно К. Гергену, знание — это не индивидуальный ментальный образ. Знание следует анализировать не как то, что находится в головах людей, а как нечто, что они совместно создают в ходе языкового взаимодействия (Gergen, 1985). Сегодня «индивидуальное познание понимается в качестве компонента коллективного познавательного процесса. Другой индивид, без взаимодействия с которым невозможен мой познавательный процесс, — это не конструкция моего сознания (или моего мозга, как сказали бы радикальные эпистемологические конструктивисты), а в некотором смысле часть меня самого. Без него я не был бы самим собою, не существовало бы моего Я, не было бы возможно и познание в его специфически человеческих формах» (Лекторский, 2009, с. 35). Современные методологи социально-гуманитарного познания (в частности, Р. Харре) указывают на то, что «генезис знания и мнения — не простое однонаправленное отношение от познаваемого объекта к некоторому состоянию или процессу в познающем. Оно не только опосредуется системами символов и образов, служащими для представления того, что познается, — это отношение взаимно. Познающий воздействует на познаваемый объект, вынуждая его открывать познающему свои различные аспекты. Согласно психологии восприятия, познаваемый объект предоставляет свои определенные аспекты человеку, который к нему обращается. Что именно предоставляет объект, зависит от способа взаимодействия между объектом и познающей его личностью» (Харре, 2009, с. 71).

Для психологии понимания и психологии человеческого бытия представления об интерсубъективной природе понимания являются очень важными. И такие представления проникают не только в научные труды, они имеют и организационные формы. Например, в Европе есть ассоциация содействия межкультурному

взаимопониманию (Association for Promoting Intercomprehension – APIC). Представления об intersубъективной природе вербальной коммуникации воплощены главным образом в обучении пониманию иностранных языков. Приемы и техники «интерпонимания» основаны на апелляции к способностям людей, говорящих на языках, принадлежащих к одной языковой группе (например, романской – испанский, итальянский, португальский), понимать чужой, ранее не изучавшийся язык. «Интерпонимание» – это новая техника обучения и общения, не требующая использования третьего языка (сейчас обычно это английский) людьми, говорящими на родственных языках. Интерпонимание минимизирует усилия по пониманию чужого языка; оно основывается на уже существующих, но неиспользованных знаниях субъекта; привлекает знание своего языка, чтобы помочь пониманию связанного с ним чужого; развивает мультиязыковые знания, которые легче приобрести. Развитие навыков понимания речи на разных языках предполагает определенную методологию, которая направлена на приобретение стратегических компетенций. В процессе изучения языка интерпонимание на основе диссоциации, разобщении двух различных лингвистических компетенций, связанных с пониманием (чтение, аудирование) и производством (речь, письмо), позволяет учащимся приобретать глобальную языковую компетенцию. Это происходит при выявлении лексического, синтаксического, культурного сходства языкового материала, подлежащего пониманию (Lungu, Cizer, 2013).

В этом контексте неудивительно, что для описания событий и ситуаций социокультурной реальности наиболее подходящим является конвенциональный домен социального знания (Lagattuta et al., 2010; Nucci, 1996; Richardson et al., 2012; Smetana, 2006). Он явным образом соотносится с герменевтической традицией и пониманием-интерпретацией проблем, методов и результатов научных исследований. Конвенциональные знания возникают в результате согласования множества мнений. Признаваемая многими людьми правильность/неправильность мнений оказывается зависимой от местных норм, обычаев и конкретных обстоятельств. Примером может служить правостороннее или левостороннее движение на дороге, принятое в разных странах.

Формирование правил и стереотипов поведения происходит в детстве путем сопоставления с личностными предпочтениями и общественными нормами поведения. Например, К. Б. Ричардсон с соавт. обсуждали с детьми такую проблему: «Джон хочет по-

играть с группой девочек в куклы, но две девочки говорят, что ему нельзя играть, потому что он мальчик». 80 процентов детей считали, что исключение Джона недопустимо, и ответ часто мотивировался моральными соображениями (отчуждение причинит вред). Тогда детям предлагалась другая ситуация: девочка и мальчик оба хотят играть с девочками в куклы; кого должна выбрать группа? В этом случае некоторые дети обращались только к одному из доменов («Надо выбрать девочку, потому что мальчикам не нравятся куклы» – конвенциональный домен). Другие соотносили разные системы знаний: «Надо выбрать мальчика, чтобы дать ему шанс поиграть (моральный домен), даже если он может не знать, как играть с куклами» (конвенциональный домен). В описанных условиях испытуемым нужно было соотнести информацию о целях группы и ее функционировании, проблемы равенства и справедливости, а также учесть психологическое состояние персонажа. В первом случае дети в основном отвергали возможность исключения мальчика из группы, исходя из моральных соображений. Во втором, более сложном сценарии, испытуемые осознавали, что психологический ущерб (либо девочке, либо мальчику) будет следствием любого выбора. Приблизительно половина детей выбирала девочку для игры, и, следовательно, гендерные стереотипы или проблемы идентичности группы становились более существенными при принятии решения. Исследователи также проверяли, придерживались ли дети своих начальных суждений, сталкиваясь с моральным или конвенциональным контраргументом. Оказалось, что дети охотнее изменяют свой выбор, если изначально выбрали стереотипный ответ – девочку (61% детей). В этом случае, возможно, происходила активация репрезентативной системы. Вместо того чтобы строго опираться на стереотипное представление о невозможности включения члена аутгруппы, с возрастом дети использовали все большее количество форм рассуждений для размышления о допустимости социального отчуждения. Это согласуется с точкой зрения о том, что развитие гибкой репрезентативной системы происходит с возрастом, и она наиболее активна при оценке таких комплексных сценариев, в которых необходимо учитывать контекст, а не просто обращаться к системе опыта и единственному домену знаний (Richardson et al., 2012).

Очевидно, что в описанных выше интересных и научно-продуктивных направлениях психологических исследований ученые ищут истоки формирования конвенционального знания не только во внутреннем мире человека, но и в пространстве межсубъект-

ных взаимодействий, на стыке разных ценностно-смысловых позиций общающихся людей. Результатом взаимодействий становится обогащение научных представлений о конвенциональном домене социогуманитарного знания. Конвенциональное знание является субъективным, выражающим личные предпочтения и ценности понимающего мир субъекта. Одновременно в своих интересующих основаниях оно объективно, и эта объективность служит основой для взаимопонимания в общении.

Духовно-практическое знание

Наличие в мире человека объективно непостижимого, существование таких событий и ситуаций, которые можно понять только на основе экзистенциального опыта, а не рационального знания, в психологической науке способствовало возникновению нового этапа исследований субъекта (Знаков, 2017). Их общим социогуманитарным контекстом послужили размышления М. Фуко и П. Адо (Адо, 2005; Фуко, 2007), а конкретно-психологическим – публикации А. В. Брушлинского (Брушлинский, 2003). Основой научных взглядов названных ученых стали два принципиальных соображения: 1) для понимания мира, познания истины субъект не может оставаться таким, какой он есть: достигнув высшего уровня активности, целостности, автономности, человек должен еще преобразоваться, превзойти самого себя; 2) познание неразрывно связано с деятельностью, а декларативное знание (знаю «что») с процедурным (знаю «как»). Отсюда в психологии следует не субъектный, а субъектно-деятельный подход А. В. Брушлинского. В философии – идущее от античных мыслителей и творчески развитое М. Фуко и П. Адо представление о том, что наша собственная жизнь является произведением, которое мы должны создать. Способами создания являются «практики себя» (Фуко, 2007) и «духовные упражнения» (Адо, 2005).

Именно в этом контексте, объединяя два ключевых понятия, «духовность» и «практика», я называю третий тип психологического знания духовно-практическим. Для меня, как и для названных ученых, духовность не тождественна ни религиозности, ни нравственности. В духовности, во-первых, интегрируются, объединяются интеллектуальные и нравственные устремления субъекта. Во-вторых, и, может быть, это главное в психологическом описании этого феномена, духовные устремления человека отражают его попытки выйти за пределы обыденной жизни и прикоснуться к иным, более

глубоким и одновременно возвышенным уровням человеческого бытия. Духовные состояния противостоят материальной природе человека и мира: к вершинам духовного бытия субъект поднимается в редкие моменты интеллектуальных озарений и разрешения нравственно трудных этических конфликтов. Способы разрешения противоречий, конфликтов, являясь мерой проявления активности, самореализации, интегративности конкретных свойств личности, определяют те индивидуально-неповторимые качества человека, в которых он выражает себя именно как субъект деятельности, общения, созерцания и т. п. В такие моменты в его личностном знании, индивидуальном опыте саморазвития появляется нечто большее, чем «приземленный» образ, модель внешних событий: возникает их внутренний смысл — психологическая основа формирования духовной сущности того, что стало предметом интеллектуальной и нравственной рефлексии субъекта.

Для раскрытия смысла духовно-практического знания необходимо обратиться прежде всего к феномену «духовного знания» (Фуко, 2007). Именно с помощью такого знания наиболее точно можно охарактеризовать процесс понимания в экзистенциальной реальности. М. Фуко полагал, что без обращения взгляда субъекта вовнутрь, без постижения себя, без духовных усилий, направленных на собственное преобразование, возможно получение только познавательного (когнитивного) знания. Познанию внешнего мира теоретически противостоит духовное знание, которое является пониманием человека, его души, внутреннего мира. Главное, что нужно для его возникновения, — это изменение, перемещение взгляда: на мир и на себя. Смещение взгляда позволяет увидеть вещи иначе и одновременно оценить их. Кроме того, духовное знание построено на таком самонаблюдении и самопонимании, в котором субъект становится способным «уловить себя самого в своей реальности», увидеть себя, как он есть на самом деле. Духовное знание — атрибут не познания, а бытия человека в мире: «Субъект не только открывает для себя свою свободу, но и находит в ней форму существования, приносящую ему все счастье и совершенство, на которые он способен» (там же, с. 335).

Духовное знание отличается от познавательного, отражающего внешний мир, но ничего не меняющего в самом познающем субъекте. Категория «духовное знание» созвучна рубинштейновскому пониманию человека не только как субъекта познания и действия, но и как субъекта этического и эстетического отношения. Последнее формируется благодаря «онтологизации» человеческой жизни,

человеческого способа существования. Познавательное знание абстрактно или конкретно отражает мир, а духовное и неразрывно связанное с ним духовно-практическое указывают, как можно познавать и действовать в ходе преобразования эмпирической, социокультурной и экзистенциальных реальностей. Кроме того, в таком знании образ мира виден сквозь призму человеческих потребностей и интересов. Духовно-практическое знание учит нас тому, как относиться к миру человека, другим людям и самому себе.

Действия, направленные на самоизменение, поиски, практику, опыт Фуко называет духовностью. Напомню, что А. В. Брушлинский тоже называл духовностью реализующиеся в человеческой жизни цели, устремления и смыслы (например, идею социальной справедливости). Он подчеркивал, что духовное – «это не *над*психическое, а различные качества *психического* как важнейшего атрибута *субъекта*» (Брушлинский, 2003, с. 50).

Таким образом, интеллектуальность, нравственность субъекта и его направленность на приобщение к необыденным формам бытия проявляются в необходимых для этого практических действиях, техниках, упражнениях.

Согласно Адо, духовные «упражнения являются творчеством не только мысли, но всей психики индивида; оно особенно раскрывает настоящий масштаб этих упражнений: благодаря им индивид возвышается к жизни объективного Духа, то есть снова помещает себя в перспективу Всего („увековечить себя, себя превосходя“»)» (Адо, 2005, с. 22). Духовные упражнения необходимы для преобразования бытия и, соответственно, видения мира субъектом. «Следовательно, они обладают не только моральной, но также и экзистенциальной ценностью. Речь не идет о кодексе хорошего поведения, но об образе бытия в глубочайшем смысле термина. Название „духовные упражнения“ в общем-то оказалось наилучшим, потому что оно означает, что речь как раз идет об упражнениях, вовлекающих в себя весь ум» (там же, с. 67). Духовные упражнения П. Адо рассматривает как практики, направленные на формирование души и полное изменение бытия.

В психологических исследованиях духовность нередко рассматривается как принцип саморазвития и самореализации человека, обращения к высшим ценностным инстанциям конструирования личности. Развитие и самореализация духовного Я субъекта начинается тогда, когда он осознает необходимость определения для себя того, как он конкретно должен понимать общечеловеческие духовные ценности – истину, добро, красоту. Появление у человека

хотя бы приблизительного осознанного представления о последних свидетельствует не только о признании субъективной значимости духовных ценностей (соответственно интеллектуальных, этических и эстетических), но и о психологической готовности к их усвоению и формированию. Применительно к психологическим исследованиям можно сказать, что мотивационной основой духовно-практического знания является интенциональный компонент экзистенциального опыта (Знаков, 2016, с. 170), выражающий направленность и интеллектуальных, и нравственных усилий субъекта на преобразование своего бытия. Иллюстрацией этого положения может служить высказывание: «Нравственность — это не столько то, что мы знаем, сколько то, что мы делаем» (Далай-лама, 2016, с. 125).

Итак, понимание субъектом мира неоднородно: в разных реальностях оно строится на неодинаковых психологических основаниях. В эмпирической реальности такими основаниями являются знание и значение, в социокультурной — мнение и смысл, в экзистенциальной — переживание и опыт. Каждой реальности человеческого бытия соответствует свой тип обсуждаемого феномена: понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение (Знаков, 2016). Психологические знания, становящиеся психологическим фундаментом типов понимания, также различны. Основой понимания-знания оказывается познавательное знание, понимания-интерпретации — конвенциональное, понимания-постижения — духовно-практическое. В этих случаях внутренними условиями понимания являются знаки, когнитивные символы и экзистенциальные символы.

Литература

- Адо П.* Духовные упражнения и античная философия. М.—СПб.: Степной ветер—ИД «Коло», 2005.
- Балацкий Е. В.* Три способа познания // *Общественные науки и современность.* 2015. № 2. С. 130—144.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Веракса А. Н.* Символ и знак: диалектика символического познания // *Вопросы философии.* 2016. № 1. С. 51—58.
- Далай-лама.* Больше, чем религия. Этика для всего мира. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2016.

- Демьянков В. З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 58–67.
- Дойч Д. Структура реальности: Наука параллельных вселенных. М.: Альпина нон-фикшн, 2015.
- Знаков В. В. Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Знаков В. В. Новый этап развития психологических исследований субъекта // Вопросы психологии. 2017. № 2. С. 3–17.
- Иванов В. И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994.
- Коровкин С. Ю. Фасилитация решения творческих задач: юмор // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 2. С. 172–182.
- Кулагина Н. В. Символ и символическое сознание // Культурно-историческая психология 2006. № 1. С. 3–10.
- Лебедев-Любимов А. Н. Психология рекламы. СПб.: Питер, 2002.
- Леонтьев А. А. Значение и смысл // Мир психологии. 2001. № 2 (26). С. 13–20.
- Мамчур Е. А. Ненаблюдаемые сущности современной физики: социальные конструкты или реальные объекты? // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 106–123.
- Мансурова В. Д. «Личностное знание» журналиста в проекции его рациональной субъективности // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2014. № 5 (31). С. 153–160.
- Мохирева С. В. Реальное событие и вербальный факт в текстах российских СМИ // Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 114–117.
- Мэй Р. Открытие Бытия. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2004.
- Никоненко С. В. К вопросу о соотношении символа и знака // Вестник СПбГУ. Сер. 17. «Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение». 2016. Вып. 3. С. 47–53.
- Обухова О. Л. Диагностика качества понимания информационного текста // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 8. № 4. С. 208–217.
- Огурцов А. П. Понимание // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Научно-ред. совет: предс. В. С. Степин, зам. предс.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин; уч. секр. А. П. Огурцов. М., 2001. Т. 3. С. 279–283.
- Порус В. Н. Что значит «понять» художественный текст? // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 84–96.
- Сергиенко Е. А. Реализация принципа развития в исследованиях психологии субъекта // Психологический журнал. 2017. № 2. С. 5–18.

Три типа понимания мира человека

- Сухачев В. Ю.* История без субъекта // Метафизические исследования. Выпуск 3. История. Альманах Лаборатории метафизических исследований при философском факультете Санкт-Петербургского гос. ун-та. СПб.: Алетейя, 1997. С. 28–42.
- Федоров Н. А.* Психологические потенциалы символа // Вестник Омского ун-та. Сер. «Психология». 2012. № 1. С. 24–30.
- Феррарис М.* Что такое новый реализм? // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 145–159.
- Фуко М.* Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007.
- Щербакова О. В.* Интеллектуальные действия, опосредующие понимание комического // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 13 / Под ред. Л. А. Коростылевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. С. 224–235.
- Fauconnier G., Turner M.* Rethinking Metaphor // Cambridge Handbook of Metaphor and Thought / Ed. by R. W. Gibbs. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 53–66.
- Hong Y., Morris M. W., Chiu Ch., Benet-Martinez V.* Multicultural Minds: A Dynamic Constructivist Approach to Culture and Cognition // American Psychologist. 2000. V. 55. № 7. P. 709–720.
- Kozbelt A., Nishioka K.* Humor comprehension, humor production and insight: An exploratory study // Humor: International Journal of Humor Research. 2010. V. 23. Iss. 3. P. 375–401.
- Lagattuta K. H., Nucci L., Bosacki S. L.* Bridging theory of mind and the personal domain: children's reasoning about resistance to parental control // Child Development. 2010. V. 81. № 2. P. 616–635.
- Richardson C. B., Mulvey K. L., Killen M.* Extending Social Domain Theory with a Process-Based Account of Moral Judgments // Human Development. 2012. V. 55. № 1. P. 4–25.
- Schulze G.* Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart. Frankfurt am Main–N. Y.: Campus Verlag, 2005.
- Smetana J.* Social-cognitive domain theory: Consistencies and variations in children's moral and social judgments // Handbook of moral development / Ed. by M. Killen, J. G. Smetana. Mahwah, N. J.: Erlbaum, 2006. P. 119–154.